

АНТОН СЕМЁНОВИЧ БЫЛ НЕПРЕДСКАЗУЕМ, И ЭТО ВЫЗЫВАЛО ЖАДНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО ДЕТЕЙ

Антон Калабалин,
руководитель
реабилитационно-
педагогического
отдела Центра
внешкольной
работы
им. А.С. Макаренко

«Здравствуйте, Антон Семёнович! Если письмо моё получили утром, то пожелаю хорошего рабочего настроения, если вечером, то отличного вечернего отдыха, ну а если в обеденный перерыв, то нашего солдатского аппетита», — пишет сегодня из армии Нодар, любимец Нодар, такой трудный Нодар. Тот самый, от которого редкий учитель не приходил в истерику: «Он меня оскорбляет», а я отвечал примерно так: «Он всех оскорбляет, а нас не будет? Он делает то, что может в меру своей невоспитанности. Не стал же он лицемером — значит, не о том должна идти сегодня речь, чтобы не оскорблять, а о том, чтобы он не захотел делать этого сам». Единственным достоинством Нодара, переходящим в недостаток, была его честность. Он мог среди урока заявить: «Мне это неинтересно». Ему действительно было неинтересно, но учитель воспринимал его слова как вызов.

Именно так рождаются «трудные» дети, которые аккумулируют в себе наш педагогический брак. Мы выбрасываем их из коллектива, потому что не терпим нареканий со стороны ребят. Интересно, замечали ли вы, как мало мы слушаем своих воспитанников? Не правда ли, классический вариант: «Замолчи, когда старшие с тобой разговаривают»? Напрасно, много полезного можно было бы услышать. Но... «учитель всегда прав». Часто именно непонятые дети становятся трудными.

Каково живётся человеку, чувствующему себя изгоем, понять нетрудно. Я был уже взрослым, когда впервые назвал своих родителей «мама» и «папа». Они работали в детском доме и поэтому я не имел на эти слова — мама и папа — права. Чтобы не сделать кому-то больно, я должен был, как все, называть директора Семёном Афанасьевичем, а воспитательницу Галиной Константиновной.

На примере родителей я убедился, что нет на земле более мужественной профессии, чем профессия педагога. Педагог детского дома — это и врач, и психолог, и артист, и родитель, и нянька в одном лице. И немного — сам ребёнок. А если серьёзно, педагог — это человек, который чувствует себя в ответе за всех детей.

Меня до глубины души возмущает, когда А.С. Макаренко представляют эдаким солдафоном, приложившим руку к воспитанию законопослушных «винтиков»-человечков. Это циничное, вульгарное опознание. Антон Семёнович вырастил моего отца, который, подобно своему учителю, воспитал тысячи людей. И среди них ни одного мерзавца. Разве он был «винтиком», рабом? Воспитанники всегда помнят главные уроки своих педагогов: как жить, как вести себя в той или иной ситуации. Но только в том случае, если их учат не назиданиями, а собственными поступками, по которым дети определяют и свою линию поведения.

Я часто размышляю, почему и Макаренко, и мой отец пользовались таким авторитетом среди детей. Ответ один. У них было кредо, которому они следовали всю жизнь: «Делай только то, что умеешь делать». Сегодня мы часто забываем об этой истине! Как-то директор одной из московских школ взахлёб рассказывал мне об одном учителе, которого любят ребята. Я поинтересовался, в чём секрет такой любви. Оказывается, дети его учат кататься на велосипеде. Это двадцативосьмилетнего мужчину! Да он, коли уж выбрал профессию учителя, должен был ещё до поступления в пединститут научиться и этому, и многому другому... Отец не раз повторял: «Мы не знали, чего бы не умел делать Макаренко». Как-то он спросил Антона Семёновича: «Почему Вы с нами не купаетесь?» А тот в ответ: «Знаешь, Семён, если я разденусь, вы с ума сойдёте, — такой я худой, а я бы не хотел, чтобы меня жалели. Так дешёво потерять авторитет...»

В другой раз отец спросил Антона Семёновича, почему он никогда не ест вместе со всеми. И тот опять поразил отца: «Педагог может при этом проявить жадность, неопрятность. Это ему не принесёт успеха».

Видите, какое уважение к детям?! Моему отцу, в отличие от своего учителя, как раз нравилось во время спортивных соревнований (а он очень любил лёгкую атлетику, волейбол) ходить в одних трусах: фигура у него была отменная. А я в шутку говорил: «Надо было Аполлона лепить с отца, до того красив!» И дети от него не отходили ни на шаг, казалось, им хотелось прикоснуться к такому ладному человеку.

Ещё в колонии Макаренко обратил внимание на внешность Семёна и приговаривал: «Знаешь, шельма, что ты хорош, почему пацаны за тобой гурьбой...»

Пример отца лишний раз подтверждал: педагогу свои достоинства надо подчёркивать, развивать, а недостатки искоренять.

Отец много выступал с лекциями, и там, где бывал, всегда появлялись единомышленники. Умел заворожить, убедить, зарядить искренней верой в то, что плохих детей не бывает. Это мы, взрослые, часто расписываемся

в собственном бессилии, рубя с плеча: «Он трудный, что с него возьмёшь?» Просто такие дети требуют больше внимания, больше ухода, с ними надо больше повозиться, попотеть. Надо ребёнка разгадать, пробудить в нём человека и, если хотите, — творца. В колонии у Антона Семёновича хулиган забывал, что он хулиган, потому что занимался интересной, взрослой, настоящей работой. Он не играл в труд, а ощущал себя творцом и, однажды испытав это ощущение, уже не мог его забыть.

Воспитывать — значит, быть ребятами защитой, а мы превращаемся в судей. К кому, как не к воспитателю, идти в трудную минуту мальчишке? Потому я прошу,

умоляю всех педагогов: пожалуйста, не начинайте свой день с жалоб на ребят, не приходите с обидами на них, по крайней мере, до тех пор, пока солнце светит. Чтобы я мог, не зная их прегрешений и не думая, как «принимать меры», просто улыбнуться ребятам и взять кого-то за плечо, даже виновного, а тот, зная за собой вину, будет молить судьбу: «Хоть бы Антон не узнал». Разве этого недостаточно? Убеждён: не надо откладывать, как на сберкнижку, мелкие проступки ребят, многие из них и вообще лучше нам, педагогам, не знать, чтобы не ходить информированными и злыми.

Но почему педагогу порой просто так невтерпёж нырнуть в конфликт, спешно определить виноватых и правых и корить, корить, корить. Классический пример: парень разбил стекло. Первый педагогический порыв — не раздумывая, броситься на помощь справедливости, припомнить «автору» десяток других прегрешений, вызвать мать, отца и т.п. Может быть, лучше так: «Ты же не дурной, чтобы стекло разбивать нарочно. Вставь, пожалуйста». Или сбежали парни с уроков. Ах, так? Торопились к солнышку, к лету? Придётся чуть-чуть сократить каникулы. Но если парень унизил девушку, если отлынивает от работы, когда трудятся другие, это уже конфликт.

* * *

Краеугольным камнем воспитания оказываются взаимоотношения в коллективе. Работая в системе профтехобразования, я и мои коллеги ни разу не взяли на себя смелость определить без ребят, кому ехать по путёвке за границу, а кому сфотографироваться у Знамени Победы. Ошибки здесь дорого стоят. Я назвал хорошего на свой взгляд, а ребята знают его совсем с другой стороны. Например, он плохой товарищ, высокомерен и расчётлив. И если педагоги хвалят такого воспитанника, то что подростки подумают? Что педагоги либо лицемерны, либо слепы.

Так что не будем судить о ребятах по их проступкам. Скажем, произошла дра-

С.А. Калаблин угощает гостей на бахче

ка. Кто виноват — ясно. Да так ли уж ясно? Меня, например, куда больше тревожит второй, обиженный, потому что избит он был, как выяснилось, за то, что отнимал деньги у первокурсников и делал это втихую. А о другом парне, изменившемся к выпуску до неузнаваемости, с горечью скажу: «Это скорее не успех наш — поражение». Человеческих перемен я в нём не заметил, просто парень понял, что надо готовиться в институт, ему понадобится хорошая характеристика-рекомендация. И притворяется активным.

А нам нужны люди, нравственные ценности которых рассчитаны не «на зрителя». Для сегодняшнего рабочего, которого мы растим (впрочем, растим мы как раз завтрашнего рабочего, и в этом — особая ответственность), это особенно актуально. Нынешнее производство отстраняет от рабочего конечный продукт его деятельности, поэтому самым надёжным ОТК становятся такие качества, как честь, совесть, порядочность. И здесь на подлинную честность, которая и наедине с собой проявляется, — главная ставка. Возвращаясь к исходной мысли, скажу, что «вычислять» личность следует вовсе не по тому, что человек говорит и каким хочет казаться, а по тому, как к нему относятся в коллективе. Если его уважают, то даже серьёзный на первый взгляд проступок ничего не значит. А наказывать за этот проступок легко, когда знаешь, что надо исправить в человеке. Это я хочу подчеркнуть особо: осудить надо только действие, проступок, но не человека. Пацан должен знать, что педагог возмущён только тем плохим, что он совершил, но не им самим.

Даже в наказании может проявиться уважение к личности. Этому я учился у отца и у матери — особенно у матери. (Она тоже воспитанница колонии Макаренко и всю свою жизнь проработала вместе с отцом.)

Вот на каких уроках я вырос...

Как большинство мальчишек тринадцати лет, я лазил в соседний сад за яблоками. Как-то раз приволок «продукт» на всю компанию, человек на 15. Выва-

лил на кровать. Вдруг все зашушукались: «Семён Афанасьевич идёт». Мигом я набросил поверх яблок простыню и как ни в чём не бывало лёг «спать».

— А вот те яблоки, на которые улёгся сейчас Калабалин, давайте и попросим его съесть, — сказал отец.

Где-то на килограмме он сжалился, взял меня за руку и повёл в тот самый сад.

— Цей хлопчик будет тебе сторожем, — сказал он хозяину, — и неделю, пока с этим отрядом мы будем в походе, станет стеречь твой сад..

Ясное дело, я остался без работы: ну кто полезет в сад, когда его сторожит товарищ? Вернувшийся из похода отряд был встречен хозяином тремя мешками «экономленных» яблок. Какой урок я извлёк из

С.А. Калабалин, В.И. Терский с Антоном Калабалиным, Л.В. Конесевич с женой

той истории, уточнять не стану — из-за банальности вывода. А пример привёл, чтобы показать, что и в выборе наказания должно присутствовать педагогическое творчество.

«Я не знаю, какой у вас в тот день была погода», — так в своё время на вопрос отца о том, как поступить в таком-то случае, ответил в письме А.С. Макаренко. И верно, от погоды кое-что зависит. А ещё больше — от характера ребёнка. Кому-то достаточно одного взгляда, а на кого-то хоть полдня кричите — чего себя зря надирать. С одним достаточно не поздороваться, другому сказать: «Зайди вечером ко мне, подумай зачем», а третьего попросить придумать самому себе кару.

Иногда самым большим наказанием для ребёнка может стать его отсутствие. Командир поленился, не поставил ребят на довольствие и вся группа осталась голодной. Но командиру ребята не сказали ни слова. Это было для него самое жестокое наказание, лучше, чтобы ругали.

Бывают ситуации, когда оказывается не прав воспитатель. Если это случается со мной, то уже через час я отчаянно ищу возможности объясниться с пареньком и хожу возле него кругами. Впрочем, если я был прав, тоже «хожу» и тоже ищу — ведь кому-то надо первому пойти навстречу. По праву старшего чаще это приходится делать мне.

Я слишком ценю свой авторитет, чтобы пошатнуть его убогой ординарной «мерой пресечения». Знаю, какая бы конфликтная ситуация ни сложилась между мной и подростком, ребята внимательно наблюдают: чья возьмёт? Поэтому, если не готов «сразить» провинившегося улыбкой, словом, гневом, лучше промолчу, сделаю паузу, но просто перебранку устраивать не стану.

Если бы меня спросили, кого я считаю самым большим актёром, может быть, назвал бы себя, потому что и сценарий пишу сам, и режиссёр себе тоже сам. Микропьеса: прошу прислать в училище телефонограмму — выговор директору Калабалину за то, что его девушки плохо покрасили цоколь одного уважаемого здания. Потом вывешиваю этот выговор на доске объявлений, а девчонок тех с извинениями к себе не пускаю: пускай помучаются. Игра? А почему бы и нет? Ведь это не та игра, где изображаешь чувства, а сам так и ждёшь, когда опустится занавес и можно будет уйти домой. Тут другое: счастливая, радостная игра, не фальшь, вдохновение.

Как и всякое вдохновение, оно рождено любовью к своему делу. Когда учился в институте, вдруг испугался: хватит ли мне сил, выдержу ли я такую жизнь?.. Взял академический отпуск и поехал в детдом к отцу. Год проработал воспитателем. И понял, что это моя жизнь. Поэтому могу прийти в ПТУ и приготовить обед трём пацанам, оставленным за большой проступок без «увольнительной». Какая же жертва? Мои дети...

Естественно, я бы очень хотел, чтобы и они любили и уважали меня так же, как уважаю и люблю их я. Это необходимо не только в педагогике, но и вообще в жизни. Люди должны уважать друг друга — односторонним этот процесс быть не может.

Педагогике сегодня необходимо единство слова и дела, а повторять прописные истины — значит, не уважать человека. Это относится к сути. Но и о форме не мешало бы подумать.

Приведу пример из своей практики. Как-то мне пришлось быть начальником пионерского лагеря. Первое, что я сделал, приказал тридцать кос. «Для чего?» — спросили меня взрослые. «Косить будем», — ответил я. «Как так? Дети должны отдыхать», — возмутились они.

Приехали в лагерь. Ребята спрашивают: «Когда в футбол?» Отвечаю: «Когда скосим траву на поле стадиона». «А когда скосим?» — не отстают они. «Если все возьмёмся, дело быс-

тро пойдёт», — говорю я. «А мы разве сможем?» — не унимаются они. «Буду учить. Только запомните, если кто порежется, больше сюда ни ногой».

Дети быстро освоились. Для косарей особый режим. На покос им приносят парное молоко, квас. Постепенно бригада косарей росла. Председатель ближайшего колхоза обратился к нам с просьбой помочь накосить сена для телят. И мои ребята стали работать уже всерьёз. Мы накопили 18 тонн сухого сена. Полностью обеспечили сотню телят на зиму. Однажды приходим на луг, все наши стожки стоят, никто за ними не приехал. Ребята расстроились: может, наша работа никому не нужна? Я их сажаю в машину, подъезжаем к ферме, видим, у коров, как у детей, на глазах слёзы. Оказывается, тракторист напился и на два дня коровы, как и телята, оказались без корма. Тогда ребята стали возить сено сами. А когда появился тракторист — весёлый, с похмелья, то едва ноги от нас унёс. Этот случай многому научил ребят. Они пережили эту беду сами и поняли, что с ней необходимо бороться. Вот и педагогика Макаренко — она тоже родом из ситуации экстремальной.

У Макаренко были тысячи различных педагогических приёмов. Дети не знали, как поведёт он себя в той или иной ситуации. Антон Семёнович был непредсказуем, и это вызывало жадное их любопытство. А мы, как мы себя ведём? Каков наш педагогический арсенал? «Встань, выйди из класса!» — вот и всё. Скука...

*Называющие себя педагогами, «проходившие» Макаренко в институте, забыли суть его главного принципа межличностных отношений. Игра. Борьба. Каждый ребёнок сопротивляется педагогу, не хочет поддаваться его воздействию, и это закономерно. Плохо, если ребёнок «пластилиновый» и каждый может вылепить из него всё что угодно. И когда в этой борьбе-игре педагог, преодолевая упрямство ребёнка, развивает заложенную в нём искру таланта, самобытность, — это высшее педагогическое счастье. **НО***